

В маленькой флигельной пристройке мать с сыном переговаривались вполголоса, а Юнь Чэ, надев бамбуковую шляпу, чтобы укрыться от дождя, принялся за стирку, попутно присматриваясь к новому дому.

Если раньше, по обрывочным воспоминаниям, он лишь слышал слухи, то теперь окончательно убедился: поселение Луцзячжай в сговоре с разбойниками. В этом доме слишком много вещей, которые никак не вписывались в быт обычной семьи.

Например, аккуратно расставленный острый сельскохозяйственный инвентарь в кладовой, белоснежная мелкая соль на кухне, да и те самые чашки, из которых они пили чай совсем недавно... Тонкая работа, изящный узор, а при соприкосновении издают чистый, звонкий звук. Даже человек, не особо разбирающийся в фарфоре, поймет, что это ценная вещь. Обычно такие не используют — в повседневном обиходе у семьи Лу была лишь грубая керамика.

Мир снаружи объят хаосом, но в этой закрытой деревушке нет недостатка ни в соли, ни в железе, да и изысканный фарфор в наличии. Разве можно заработать на всё это честным трудом охотника или земледельца? Скорее, на грабежах.

Когда Юнь Чэ закончил стирать, шепот в пристройке стих. Мать Лу стояла на пороге, указывая, как лучше развесить белье под навесом. Юнь Чэ послушно исполнял всё в точности, и это немного смягчило придиричивый нрав свекрови.

— Пятый только что сказал, что ты за ним хорошо ухаживаешь. У меня в комнате есть ткань и хлопок, позже сошью тебе новую одежду и сделаю пару одеял.

Выйти замуж — значит получить кров и пропитание. Мать Лу, считая себя умудренной опытом, решила применить практический подход, чтобы поощрить невестку. Однако, не успев закончить, она по привычке добавила колкости:

— Только в нашей семье Лу, даже если ты пришла с пустыми руками, будешь сыта и одета. А в других домах? Хе-хе...

Юнь Чэ, уже успевший освоиться, ответил с подобающей лестью:

— Я знаю, матушка. В нашем доме всегда царят порядок и доброта. Батюшка, дядя — все трудолюбивы, а вы, матушка, так умело ведете хозяйство и воспитываете невесток, что они стали просто образцовыми женами. Я буду во всем брать пример с вас и старших невесток.

Этот поток комплиментов, прозвучавший почти как торжественная речь, окончательно ошеломил мать Лу. Она впервые одарила его улыбкой и поплыла обратно в дом, словно ступая по облакам. Но, добравшись до заднего двора, она насторожилась: хоть она и повидала на своем веку немало краснобаев, но чтобы так складно говорила невестка — такое редкость.

— Хуэй-эр, отнеси корзину кукурузы младшей тетушке, пусть переберет.

Придя в себя, мать Лу не забыла дать работу. В её доме бездельники не водились: какими бы сладкими ни были речи, а руки должны быть заняты.

Вскоре две девочки, одна с корзиной за спиной, другая под зонтом, доставили кукурузу в пристройку. Юнь Чэ, который как раз натягивал одежду на Лу Мина, был вынужден накрыть мужа одеялом и принять корзину.

— Ну вот, ни минуты покоя... — пробормотал Юнь Чэ, провожая взглядом уходящих девочек.

— Скоро станет полегче, — тихо отозвался с кровати Лу Мин, услышав его ворчание.

Раз семья их отделила, значит, скоро и впрямь наступит затишье.

— Да, похолодает, и дел станет меньше, — ответил Юнь Чэ.

Он не понял, что Лу Мин имел в виду раздел хозяйства, решив, что речь идет о зимней спячке, до которой было еще далеко. Закрыв дверь, он продолжил возиться с Лу Мином, одевая недвижимого мужа. В этот момент сквозь шум дождя послышались тяжелые шаги.

— Мать Дунхая, кто там?

Ворота двора сотряслись от громкого стука, а бодрый голос разнесся по всему дому. Черная собака с желтыми подпалинами лишь символически гавкнула пару раз, выполняя свой долг, и тут же вернулась в конуру. Видимо, гость был знакомый, раз пес не проявлял агрессии.

Вскоре с заднего двора послышался ответ:

— Иду, иду! Присаживайся в гостиной.

— Это старшая тетушка, родственница по прямой линии, батюшка у нас второй в роду, — негромко пояснил Лу Мин, пока Юнь Чэ, вдыхая слабый аромат мыльных бобов, помогал ему укрыться. — Наверное, пришли с подарками. Вчера, когда мы поженились, ты еще не приехал, вот родственники и не заходили. Теперь, когда ты здесь, они пришли с визитом. Подарки обычно забирает матушка, но в будущем нам придется отдавать долг вежливостью.

Лу Мин чувствовал, что Юнь Чэ не питает отвращения к этому браку, поэтому перестал избегать темы похищения. Жизнь впереди долгая, от этого никуда не деться. Как говорила мать, муж и жена — одно целое, нужно обсуждать всё открыто и советоваться друг с другом.

— Значит, мне просто называть её старшей тетушкой? — Юнь Чэ понизил голос, поправляя одеяло, и повернулся, чтобы заняться кукурузой, но вдруг заметил, что в комнате стало темнее. Взглянув на окно, он вздрогнул: две пары глаз пристально наблюдали за ними через щель...

Заметив его испуг, снаружи раздался смешок, и любопытные наблюдатели отошли от окна в сторону главной комнаты.

— Мать Дунхая, хороша у тебя невестка! Бедра широкие, будет легко рожать. Вот увидишь, как только Пятый поправится, прибавится у тебя пара внуков-крепких!

Слушая похвалу старшей невестки, мать Лу, обогнувшая дом по навесу, расцвела, но по привычке с улыбкой пожаловалась:

— Уж сколько родит — столько и будет, это от него зависит. Мне бы только, чтобы перестал по лесам шастать и раны наживать, заставляя меня волноваться.

Две старые невестки перекинулись парой слов о делах и урожае, а затем перешли к главному.

— Пятый женился, я не могла прийти с пустыми руками. Принесла яиц, немного хлопковой ткани — как раз на пеленки для будущих детей сгодится.

Девочка, пришедшая с тетушкой, открыла корзину. Внутри лежало около двадцати яиц и отрез ткани шириной в ладонь. Мать Лу, едва взглянув, начала привычное представление: она замахала руками, делая вид, что отказывается:

— Ой, да что ты! У тебя четверо, у меня шестеро, каждый раз принимаю твои подарки, стыдно же, забирай обратно!

— Ну что ты за глупости говоришь? Разве это тебе? Это детям. Они растут у нас на глазах, неужели ты не позволишь мне, старшей тетушке, подарить кусочек ткани?

Две женщины принялись настойчиво препираться, соблюдая ритуал вежливости, пока девочка вторила им, помогая уговорить мать Лу. В итоге подарки остались. Старшая тетушка с девочкой ушли, довольные, унося в ответ корзину с луком-пореем. Уходя, они заглянули в пристройку, чтобы поздороваться с молодыми.

Но с этого момента двери дома Лу начали открываться и закрываться без конца. Желтая собака, поняв, что гостям конца не будет, окончательно забилась в конуру, даже не пытаясь лаять.

Юнь Чэ был бесконечно благодарен матери Лу за корзину кукурузы: когда становилось совсем неловко, он просто опускал голову и принимался чистить початки.

— Ох, какая красивая невестка! Повезло Пятому!

— Как поправится, пусть обязательно режет курицу и зовет в гости!

— Юнь Си, я твоя шестая тетушка, я тебя еще маленьким на руках держала.

— Не напоминай, ты тогда вся была в его моче!

— Ха-ха-ха...

Приходящие женщины оставляли подарки и уходили, а те, кто был поближе, заходили взглянуть на новобрачного и перекинуться шуткой. Были и злопыхатели, желавшие увидеть, не заплакан ли Юнь Чэ, чтобы потом разносить сплетни. Но Юнь Чэ держался безупречно: кроме легкого румянца, в нем не было ни тени смущения или страха перед будущим.

Это заставляло тех, кто ожидал увидеть слезы, разочарованно кривить губы. Выйдя за ворота, они собирались в кучки и начинали шептаться:

— Выйти за такого калеку и делать вид, что всё хорошо... Может, она сама на него по ночам взбирается?

— Кто знает? Тот в таком состоянии, что и пошевелиться не может. Не исключено, что так и есть. Пару раз сходитесь, забеременеет, и даже если он помрет, будет у неё опора.

— И не скажешь по ней... Такая неженка, при разговоре краснеет, а по ночам, оказывается...

Тихий смех и перешептывания растворялись в дожде. В поселении Луцзячжай, затерянном в горах, над домами начал подниматься дымок от вечерних очагов.

<http://bllate.org/book/20794/2089275>